

## Картина земной природы в ведийской мифологии

**Образ Земли.** Древние арии, будучи пастушескими и отчасти земледельческими племенами, находились в непосредственном и перманентном отношении с природой. От нее, от отношений с нею зависело их существование, их благополучие. Природа стала субъектом их жизни, партнером в ее устройстве и организации. Арии старались, как можно больше познать ее, привлечь на свою сторону, сделать благорасположенной к себе. Этими мотивами насыщены гимны Ригведы, посвященные Земле, ее природе, ее облику. Образ Земли, созданный ведийскими поэтами, – один из самых живописных, эмоциональных и красочных в мифологии ариев. Он отражает почитание и преклонение этого народа перед Матерью-Землей, восторг и страх, вызываемые ее разнородными явлениями, стремление умиловить могучие силы природы, а с другой стороны – воздействовать на них с помощью богов.

Древний человек пытался разгадать многие загадки, которые ставила перед ним Земля. И первой из них была история ее возникновения и последующего устройства. В менталитете арийских мифотворцев было вполне естественным привлечь к этому процессу всемогущих богов, поскольку только они могли сотворить такой грандиозный объект, как Земля. Кроме этого, нужно было использовать в качестве аналога какую-нибудь известную ариям процедуру, притом, как можно более священную, поскольку она должна была по своей сакральности соответствовать такому масштабному деянию. Процедурой этой был выбран ритуал из далекого прошлого – принесение в жертву богам человека. Кроме этого был использован метод гиперболизации. В результате всех этих мыслительных операций была сформирована картина принесения богам в жертву гигантского человека – Пуруши, из разных частей которого возникли компоненты Вселенной. Земля развилась из его ног. Такие ее элементы, как стороны света, возникли из уха, воздушное пространство – из пупа, из дыхания родился ветер (X.90.13-14)<sup>1</sup>. Такие важные для последующей судьбы Земли боги, как Индра и Агни, родились из уст.

После сотворения Земли ее устройством занялся Индра. Он распределил в полях цветущие и плодоносящие растения, в соответствии с естественным порядком проложил реки, вокруг основал моря, породил несравненные молнии. Он «укрепил шесть широких просторов», охватил «пять видимых направлений» (II. 13.7,10). Не забыл Индра украсить и небо «для четвероногого, для человека, для двуногого» (I.121.3). Одновременно с этим он окропил дождем «основу Земли» и назначил людям «богатство в виде коровы» (I.121.2,3).

Сотворенная богами Земля вызывала у ариев восхищение и восторг своими масштабами и красотами. Ее описание в гимнах РВ настолько эмоциональны и поэтичны, что из стихов, собранных из разных гимнов, можно составить вдохновенную оду, славящую нашу планету. В этих стихах отразилось понимание той роли и того значения, которое Земля имела для наших далеких предков.

### Ода Земле.

В самом деле так: ты несешь  
Тяжесть гор, о Земля,  
(Ты), что оживляешь почву,  
(Своим) могуществом, о отлогая, о могучая.

<sup>1</sup> Фрагменты из Ригведы приводятся в переводе Т. Я. Елизаренковой по изданию: Ригведа: Мандалы I-IV. М., 1999; Ригведа: Мандалы V-VIII. М., 1999; Ригведа: Мандалы IX-X. М., 1999.

Восхваления, о подвижная,  
Вторят тебе сквозь ночи,  
(Тебе), которая отбрасывает изливание (неба),  
Словно (кобылица) ржущего коня, о светлая.

Сама крепкая, ты (та,) что силой  
Удерживает на земле большие деревья,  
Когда для тебя (сверкают) молнии из тучи,  
(И) потоки дождя изливаются с неба (РВ. V.84.1-3).

Великая истина, строгий закон, посвящение и подвижничество,  
Молитва и жертвоприношение – все это существует на Земле.  
Она – властительница всего, что на ней есть и что будет.  
Да создаст Земля для нас раздольный простор!..  
Земля, по которой струятся день и ночь неустанно бегущие воды,  
В нас, к ней приникших, да волюет она, щедрая, силу!<...>  
Да будут мне во благо твои одетые снегом вершины  
И твои леса, о Земля!<...>  
Тебе, о Земля, принадлежат пять родов человечества,  
Над которыми простирает лучи бессмертного света восходящее  
солнце...<...>  
Да не пораню я твое тело, о чистая, да не задену твое сердце!  
Земля, на которой смертные вздыхают и поют, пляшут и сражаются, -  
Да избавит она меня от моих врагов!..<...>  
О, Мать-Земля, будь благосклонна ко мне и дай мне надежную  
опору!  
Вместе с Небом даруй мне, о мудрая, счастье и благополучие!  
(Атхарваведа. XII.1. пер. В.Г. Эрмана)  
Пусть достигнет это восхваление Земли, воздушного пространства,  
Лесных деревьев, растений - ради богатства!  
Пусть каждый бог будет для меня легкопризываемым!  
Мать-Земля да не поместит нас в немилость (V. 42, 16 )

Из отдельных высказываний РВ можно достаточно определенно реконструировать представление ариев о размерах Земли, ее форме, пейзаже. Земля в их глазах была широкой, просторной, с далекими краями (I.185.7), великая, бескрайняя (III.30.9), полна величия (III.6.2.), обильная (III.30.9). Что касается формы Земли, то в одном случае она, как и небо, сравнивается с колесом, надетым на ось (X.89.4). Это значит, что она представлялась ариям плоским кругом. В другом гимне утверждается, что она «отлогая» (V.84.1.). А еще один гимн называет Землю и Небо «глубокими пространствами». Из этих высказываний становится вполне очевидным, что арии представляли себе Землю по форме такой, какой она кажется наблюдателю, видящему ее в пределах линии горизонта. Это слегка поднимающаяся от него к этой линии прогнутая поверхность. Такая поверхность похожа на чашу, что и позволяло арийским поэтам говорить о Земле и о Небе как о двух чашах, повернутых друг к другу, называть их «двумя чашами мироздания» (III.49.1.), «великими соединенными чашами» (III.55.20). Следовательно, Земля по своей форме была похожа на часть поверхности Земли, заключенной внутри линии горизонта, но чрезмерно увеличенной, гиперболизированной. Таким образом, в ведах нет намека на шарообразную форму Земли, на чем настаивали некоторые исследователи<sup>2</sup>, но довольно проницательной является идея арийских мудрецов о том,

<sup>2</sup> См., например: Уоррен К.Ф. Найденный рай на Северном полюсе. М., 2003. С.442 и сл.

что Земля воздвигнута «в том месте, где нет опоры» (IV.56.3). Такой же глубокой является их мысль о том, что Земля подвижна (III.30.9). Это предположение могло возникнуть вследствие экстраполяции видимого вращения небесного свода, поскольку Земля в представлении ариев тесно связана с Небом и по форме подобна ему. Эти две половины Вселенной, соединенные вместе, будучи гигантскими полусферами образуют в единстве одну колоссальную сферу, составленную Индрой, который и заполнил собой это цельное шарообразное пространство (III.30.11). Беспредельная Вселенная, таким образом, слилась с великим богом, приобретя могучую силу и неугасающий динамизм.

Небо и Земля стали для архаического человека первыми стимулами, давшие ему изначальный импульс к обожествлению природы, к созданию богов. Земля была той твердой основой, на которой стало возможным существование людей, а поэтому она и была наделена древними мудрецами необычайной мощью, громадным значением для человеческого бытия. Ее превратили в живое существо, поскольку она должна была осуществлять такое свойственное разумному живому существу действие, как давание чего-либо необходимого людям. Но это давание должно было превосходить по масштабу и качеству даваемое человеком, а следовательно, она должна была быть всемогущим существом, то есть богом. Земля, как бог, может делать то, что не по силам человеку. Таким же образом обстояло дело и с Небом. Оно также давало необходимое людям: свет, дождь, росу, ощущение несвязанности каким-либо узким простором. И при этом его дары были масштабны, какими они и должны были быть как даяния бога. Идея Неба как бога – это гиперболизированная идея господина, царя в человеческой среде. У последнего есть власть, сила, разные возможности. Его можно попросить о помощи, поддержке, защите. Но хорошо, если будет существовать еще один господин с такими же свойствами, но более масштабный и более щедрый. Им помимо Земли и стал бог-Небо. Как и Земля, оно безмерно в своих богатствах и дарах.

Мы видим, что логикой архаического мышления здесь являются детерминированные жизненными потребностями мыслительные операции (экстраполяция, гиперболизация) по наделению природных феноменов необходимыми человеку сверхспособностями, нужными для удовлетворения его нужд. Так образы богов Неба и Земли, которых арии называли соответственно Дьяусом и Притхиви, определялись не объективными свойствами их реальных референтов, а субъективными факторами – хотением людей и обусловленной ограниченными когнитивными возможностями архаического интеллекта, свободой мыслительной деятельности. Здесь, как это вполне очевидно, налицо действие не реалистического принципа детерминизма, а квазидетерминизма, поскольку обуславливающие мышление факторы являются неадекватными и нереальными. Это имеет место и по отношению к представлениям о возникновении Земли, где процессы появления, изменения, активности Земли объясняются с помощью квазифакторов, квазисубъектов, которыми являются боги.

**Воспевание вод и рек.** Частью красоты, которой боги наделили Землю, были для ариев воды и реки. Земля была одарена мировым Океаном – Самудрой (буквально: собрание вод, многоводье). Он своей безбрежностью увеличивал масштабы Земли, ее бескрайность. В нем рождались многие природные явления и сверхъестественные существа. Но особенно много эмоций и ярких красок придали арийские поэты таким важным в их жизни явлениям, как реки. Продвигаясь в течение долгого времени из причерноморских степей Зауралья, а затем в Центральную Азию и в Индию, арии пересекли немало рек, которые, с одной стороны, были для них препятствием а с другой – источниками необходимой влаги, дарящими хорошие пастбища и урожаи. Помимо

этого своим величием, непрерывным движением, красотой они оставляли в чуткой психике ариев много сильных и радостных эмоций. Именно такие качества рек побудили одного из авторов РВ обратиться к водам с необычайным почтением: «Ваше высшее величие» (X.75.1). В движении вод арии усматривали глубокий смысл, заключающийся в том, что оно способствовало осуществлению важных событий. а кроме того заставляло задуматься над вопросом о времени начала течения вод.

Ради бога Савитара, создающего (вселенский) закон,  
Ради Индры - убийцы змея не останавливаются воды.  
День за днем движется мерцание вод.  
Как давно (было) их первое излияние? (II. 30,1)

Наиболее яркое впечатление у арийских поэтов оставили реки индийского Пенджаба, куда они в конце концов пришли после длительного периода поиска лучших земель. В РВ, в мифологической книге, мы тем не менее находим вполне реалистическое описание некоторых рек этого региона. Одной из них была бурная и стремительная Сарасвати.

Она понеслась вперед питательным бурлящим потоком.  
Сарасвати - оплот, железная крепость.  
Река мчится, словно по проезжей дороге,  
Мощно обгоняя (своим) напором все другие воды.

Одна среди рек выделилась Сарасвати,  
Стекающая с гор, чистая, к морю(VII.95,1-2).

Она, словно кабан (своими) яростными атаками, проломил  
Спину гор мощными волнами.  
Сарасвати, убивающую людей из далеких краев, мы хотим привлечь к себе  
Прекрасными гимнами, молитвами - для поддержки.

О Сарасвати, искорени хулителей богов,  
Потомство каждого Брисайи колдовского!  
В то время как для (наших) поселений ты создала (край, богатый) реками,  
Тем ты струила яд, о богатая наградами(VI.61,2-3)

(Та,) чья бесконечная, непетляющая,  
Опасная, подвижная, бурная  
Стремнина мчится, громко ревя...(VI. 61,8)

И пусть Сарасвати, любимая среди любимых,  
С семьей сестрами, очень ценимая,  
Будет у нас достойной восхвалений (VI. 61, 10)!

(Та,) что выделяется величием среди великих (рек),  
Блеском (затмевает) другие (реки), самая деятельная из деятельных,  
Высокая, словно колесница, созданная, чтобы далеко простираться, -  
(Такою) должна быть прославлена знатоком Сарасвати (VI. 61,13).

В этих стихах передан чисто реалистический образ реки, так что мы получаем достаточно наглядное представление об ее облике как о реальном природном явлении. Это описание помогает нам мысленно увидеть ту картину, которой сейчас уже нет, а именно то, какой эта река была в далеком прошлом, поскольку сейчас эта территория имеет совершенно иной вид. Приблизительно 2500 лет назад вследствие крупных

тектонических процессов река ушла под землю. Развитая цивилизация, существовавшая по ее берегам, исчезла, и постепенно все было поглощено песками. Несколько лет назад индийские ученые с помощью спутниковых фотосъемок установили, что под песками находится русло древней Сарасвати, а археологи обнаружили остатки большого количества городов со сложной системой водоснабжения. В 2001 году недалеко от этой пустыни в штате Гуджарат после сильного землетрясения из-под земли появилась новая река протяженностью в 100 км и шириной 80 м. Пока еще точно не установлено, что за воды вышли на поверхность. Почитатели же богини Сарасвати верят, что это вышла на поверхность древняя река Сарасвати.<sup>3</sup>

Внешний облик реки не мог удовлетворить древнего человека, поскольку ему был непонятен источник ее вполне очевидной активности, способности воздействовать на окружающие явления, на судьбу людей. Решение этой проблемы люди находили с помощью теологической парадигмы: у реки есть активизирующий и движущий ее фактор – сверхъестественное существо. В результате такого рассуждения река наделялась чертами этого существа, приобретало свою богиню, становилась священной .

О самая материнская, самая лучшая река,  
Самая лучшая богиня Сарасвати!  
Мы как бы не прославлены –  
Создай, о мать, нам прославление (РВ. II. 41, 16)!

...(Она), несущая счастье,  
Когда ее просят почитающие (ее люди), твердо стоящие на коленях.  
Именно благодаря союзу с богатством она выше (всех) друзей.

Совершая эти (жертвенные возлияния) от вас вместе с поклонениями,

-

Наслаждайся, о Сарасвати, восхвалением! -  
Прибегая к твоей самой сладостной защите,  
Мы хотим, как под деревом, находиться в укрытии (РВ. VII. 95, 4-5)!

О Сарасвати, в своих деяниях,  
В (своих) небесных покоях, о богиня,  
Наслаждайся возлитой жертве! <...> (Атхарваведа. VII. 70.1)

Счастье пусть создаст (нам) Сарасвати, несущая счастье!  
Нескаредная, она проявляет себя как богатая наградой,  
Когда ее воспевают подобно Джамадагни,  
Когда ее восхваляют подобно Васиштхе (РВ. VII. 96,3).

**На примере реки Сарасвати мы ясно видим, как формировался древними мыслителями мифический образ. Он строился из двух компонентов. Одним из них было чувственно формируемое представление о реальных признаках этого явления. И это явление выступало в качестве предметного референта данного представления, поэтому его можно назвать референцированным. Другой компонент конструировался самим мышлением без опоры на указанный референт и добавлялся к первому компоненту, почему он может быть назван привнесенным, приписанным, аддитивным. Поскольку первый компонент имеет дело с**

<sup>3</sup> Об истории этой реки см.: Gonda J. Pusan and Sarasvati. Amsterdam, Oxford, New-York. 1985; Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951. С.39; Gonda J. Pusan and Sarasvati. Amsterdam – Oxford –NY. 1985;Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» - великое начало индийской литературы и культуры// Ригведа: Мандалы I-IV М., 1989. С.442-443. Топоров В.Н. Сарасвати// Мифы народов мира. Т.2. М.; 1998. С. 409; Witzel M. Autochthonous Aryans? The Evidence from Old Indian and Iranian Texts // Electronic journal of Vedic Studies, vol.7 (2001), issue 3, p.79-82; Мохан К. По следам небесной Сарасвати // Индия, перспективы. 2004. №8. С.2-7.

естественной, предметной, чувственной реальностью, то его можно характеризовать как профанный компонент мифического образа, тогда как другой компонент, имеющий отношение к сверхъестественному, надобыденному, выступает в качестве сакрального компонента данного образа. Референцированный компонент в той или иной степени является адекватным отображением соответствующего явления, чаще всего с недостаточной полнотой описывающей его. При этом он касается лишь внешних, поверхностных свойств объекта т.е. является феноменологическим образом. Аддитивный компонент призван выполнять роль сущностного содержания явления, выступать в качестве объяснения, истолкования феноменологического содержания, т.е. представлять внутренние, глубинные характеристики данного явления. Но поскольку мифологическое мышление еще было крайне далеким от рационального мышления, оперирующего такими категориями, как причинность, связи, отношения, зависимости и т.д., т.е. оставалось феноменологическим, элементарно эмпирическим, то проблемы сущностного плана оно решало с помощью вымысла. В результате этого и возникали гибридные, отчасти реалистические, а отчасти фантастические образы. Это мышление еще не нашло способа движения от феноменологического содержания к сущностному, базисному. Его путем было движение от феноменологического уровня одной области явлений к такому же уровню другой области, что порождало эклектические мысленные конструкторы типа «река – антропоморфное сверхсущество» и т.п.

Богатая фантазия мифотворцев, в данном случае арийских, позволяет нам в качестве подтверждения только что описанного процесса формирования мифических образов привести еще один и к тому же более значимый для ариев образ другого явления – реки Синдху (ныне Инд), которая считалась матерью Сарасвати. Сначала воспроизведем реалистический образ этой реки.

Пути для бега начертал тебе Варуна,  
О Синдху, когда мы мчались к наградам.  
Ты, устремляешься прямо вниз по поверхности земли,

Когда ты правишь во главе этих движущихся (рек).

(Твой) шум направляется к небу над землей.  
С блеском вздымает она (свою) бесконечную ярость.  
Как будто капли дождя барабанят из грозовой тучи,  
Когда движется Синдху, громко ревя, словно бык.

К тебе, о Синдху, бросаются они,  
Как матери к дитяти, как дойные коровы, ревушие от молока.  
Как воинственный царь, ведешь ты два фланга,  
Когда хочешь встать во главе этих текучих (вод).

Ринувшаяся по прямой, пестрая, сверкающая, благодаря (своему)  
величию,  
Она распространяется по просторам (и) пространствам.  
Синдху, которую не обманешь, самая деятельная из деятельных,  
Яркая, как кобылица, (она) приятна для глаз, как красавица (X. 75. 2-4, 7).

Теперь посмотрим, что представляет собой аддитивный, сакральный компонент этого мифического образа.

Сарасвати, Сараю (река в Пенджабе.- А. М.), Синдху с (ее) волнами

Великие, могучие, пусть придут с (их) помощью, подкрепляющие,  
Божественные воды, матери, дающие хорошее самочувствие!  
Дайте нам (своим) пением жирное, сладкое молоко!(X. 64. 9).

Ваше высшее величие, о воды,  
Собирается прекрасно возвестить певец на месте Вивасвата (жертвенного  
костра. – А.М.)!  
Ведь они двинулись вперед (числом) трижды семь.  
Впереди струящихся (вод), пре(восходя) (их) силой, (течет) Синдху (X.  
75.1).

<...> Синдху, воды морские,  
Все Боги пусть услышат мои речи  
(И) Сарасвати вместе с поэтическими мыслями (и) с Пурамдхи (божество  
щедрых даров. – А.М)! (X. 65.13)

Мы видим, что Синдху стоит рядом со священной рекой Сарасвати. Это означает, что она так же священна и включена в класс божеств. Направление ее течения имеет божественно происхождение. Она, как и всякое божество, обладает высшим величием. Здесь уже речь идет не о физическом явлении, а о сверхсущество, которое обладает способностью к сознательному, волевому действию, управляет движением других рек. Как всякого бога, ее не обманешь, к ней как к высшему покровителю люди обращаются за помощью. Следовательно, и в этом случае перед нами двухкомпонентный типичный мифический образ.

Но в отношении Синдху, как и в отношении к некоторым другим богам, интересно то, что второй аддитивный компонент сложился в воображении мудрецов задолго до прихода ариев на Инд. Эта богиня упоминается в ряде более ранних гимнов, сочиненных в других местах, далеко от Инда. В них нет описания этой реки как вполне определенного физического референта богини Синдху периода переселения ариев в Пенджаб. Мы имеем дело по существу с двумя разными образами этой богини, которые отличаются тем, что референтом богини Синдху названного периода является река Инд, референт же этой богини раннего периода с достаточной определенностью не выявлен. Такое расхождение образов богини Синдху породило для ведологов значительные трудности в их истолковании. Одни считают референтом Синдху – реку вообще, другие конкретную реку Инд или море.<sup>4</sup>

Богиня Синдху раннего периода многократно упоминается в гимнах с такими старыми богами ариев, как: Митра, Варуна, Адити, Земля и Небо (I. 95; I.105; IV. 54). То, что эти боги старые, видно из следующих строк:

Мы (арии.- А.М.) соблюдаем старые  
Привычные заветы  
Митры, наделенного высшей властью, Варуны,  
далеко прославленные (VII.25, 17).

В указанных гимнах ни разу не приводится образ того земного референта, каким является Инд. А поскольку эта богиня упоминается рядом с богами, из которых ни один не имеет никакого земного референта, то не имеет такового и Синдху. Как и они, она должна быть соотнесена с каким-то космическим объектом. И находится эта богиня, как и они, на небе.

---

<sup>4</sup> См.: Umapada Sen. The Rigvedic Era. India (3500-2000) B.C. Calcutta, 1974; Васильков Я. Синдху// Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. М., 1996.С. 400.

Если там в бурном море неба  
Или если вы (боги.- А.М.) наслаждаетесь в доме жертвенной улады,  
Услышите же меня, о бессмертные!

А также та светлотекущая  
Синдху с золотым путем -  
Самая привлекательная для вас из рек (VIII. 26. 17-18).

Вполне очевидно, что речь идет о реке, но не о земной, а о небесной. Это можно подтвердить такими словами:

Услышь (нас), о Синдху, текущая сама по себе, чтобы нас  
заметили первыми (VIII.. 25. 12).

И именно потому, что референтом этой богини является небесная река, о ней можно сказать следующее:

Мы выбираем себе тот избранный дар,  
Самый лучший, достойный того, чтоб его хранили,  
Который хранят Митра, Варуна, который - Арьяман.

А также нам Синдху, (отпрыск) вод,  
Маруты это (даруют), это - Ашвины,  
Индра, Вишну, щедрые, единокорные (VIII. 25. 13-14)!

Из других гимнов вытекает, что даром, весьма ценным ариями, был дождь, который посылают на землю боги грозовых туч Маруты, роса, которую выливают из своего мешка с небес Ашвины. Слова «текущая сама по себе» важны для нас тем, что они свидетельствуют против соотнесения этой Синдху с более поздней, референт которой, как мы видели, представлен в обширном круге других рек.

Идею Синдху как небесной реки высказывали такие известные интерпретаторы РВ, как К. Гельднер, Л. Рену и Х. Людерс. Но встает вопрос: какой же космический объект арии принимали за небесную реку? Ответ подсказывают слова: «светлотекущая Синдху с золотым путем, самая привлекательная ... из рек». Глядя на ночное небо, человек сразу обнаруживает объект с такими признаками. Это Млечный Путь. Когда арии переселились на берега Инда, они были ошеломлены мощью, энергией и красотой этой реки. И тогда, что выглядит вполне вероятным, они перенесли имя небесной реки на эту земную реку, и давняя любимая ариями богиня была спущена на землю и стала богиней Инда. Таким образом, небесная Синдху оказалась предтечей земной реки. Благодаря этим мыслительным операциям в картину земной природы был добавлен еще один чрезвычайно яркий и выразительный штрих. Небо и Земля были соединены богинями-сестрами.

Выступающая на первый план в гимнах о водах и реках такая черта этих песнопений, как сакрализация этих природных явлений, говорит о том, что древние люди отчетливо видели большую и притом разнообразную роль их в жизни каждого человека и каждого народа. В своем движении от Днестра через южнорусские степи в Зауралье, а затем в Центральную Азию и далее в Индию, арии пересекли множество больших и малых рек. Они оказывались в ситуациях засух и наводнений, и как пастухи-кочевники понимали значение воды в разных ее видах для пастбищ, для скота. **Поэтому риши называли воды «благодатными», «распоряжающимися благами», «повелевающими народами», «приносящими счастье (X. 9). Поэты воспевали очистительную способность вод и особенно вод священных рек.**

Воды-матери (Сарасвати.- А.М.) пусть сделают нас чистыми!  
Пусть очистят нас жиром (эти) очищающие жиром!

Ведь все грязное увозят богини,  
И выхожу я из них очищенный и чистый (X. 17. 10)!

Сильна была вера древних людей в целительную силу вод, поэтому они просили их:

Какая у вас самая целительная влага,  
Наделите нас ею здесь,  
Как любящие матери!

О воды, пожертвуйте щедро целебное средство  
Как защиту для тела моего,  
И чтоб я долго видел солнце (X. 9. 2, 7)!

Священные воды способны освободить человека и от его грехов:

Унесите прочь, о воды, то,  
Что греховно во мне:  
Если я обманул  
Или если проклял, и (всю) неправду (X. 9, 8)!

**В этих просьбах отразилось влияние на мышление архаичных людей такой особенности их психики, как повышенная экзальтированность. Скорее всего, под ее влиянием эти люди, замечая положительное воздействие воды на свое состояние, преувеличивали ее способности, приписывали ей мистическую силу. На примере сакрализации вод мы видим также, что древние люди считали самые обычные явления природы обладающими субъектностью, а поэтому обращались к ним как к способным все воспринять и откликнуться на их просьбы. Эти люди помимо обычного физического общения с подобными явлениями изобрели и иной способ взаимодействия с ними – мистический, что в какой-то степени давало определенный психотерапевтический эффект и еще больше убеждало людей в таинственной сакральности природы, которая требует всяческого ее почитания и специальных ритуалов. Чтобы получить от природных явлений большую для себя отдачу, люди наделяли божества этих явлений такими моральными качествами, как благорасположенность, милосердие, щедрость. Так природа включалась в сферу социального бытия человека в качестве ее активного и нравственно детерминированного субъекта.**

Колесо дней и ночей. Вслед за масштабностью Земли и ее живописным обликом на сознание архаичных людей производили сильное впечатление явления света и тьмы, проходящие к ним каждые сутки в образе дня и ночи. Эти явления изумляли людей своей красочностью, строгой регулярностью своего прихода и ухода, бесконечностью их чередования.

Которая из них двух - находящаяся впереди, которая последующая?  
Как родились они, о поэты? Кто знает это точно?  
Двое несут сами все, что (имеет) имя.  
Две половины суток вращаются, словно колеса (I. 185, 1).

Вот пришел свет света, лучший из всех.  
Яркий предвестник родился, (далеко) распространяясь.  
Как (сама) она вызвана к жизни по побуждению Савитара,  
Так ночь уступила место Ушас.

Со светлым теленком, светящаяся, сияющая, она пришла,  
И уступила черная ей (свои) насиженные места.

Происходящие из одного рода, бессмертные, следующие друг  
за другом,  
Странствуют день (и ночь), меняясь цветом.

Общий путь у двух сестер, бесконечный.  
По нему странствуют они одна за другой, наученные богом.  
Они не ссорятся, не останавливаются, (эти) две хорошо  
соразмеренные,  
Ночь и Ушас одного духа, (но) разного вида (I. 113. 1, 3).

На вопрос о том, как родились день и ночь, у одного из авторов РВ находим такой ответ. Сначала в мире существовал мрак. Но затем бог Индра создал Солнце и с его помощью этот безграничный протяженный мрак разделил на светлые и темные отрезки (VI. 21 3). Так возникли две несхожие половины суток, которые сменяют друг друга согласно установлению другого бога – Варуны, осуществляя его божественный замысел (I. 123. 7, 8).

**Естественным с точки зрения чувственного восприятия было представление ариев о характере движения дня и ночи. Они представлялись как разные по цвету пространства – светлое и темное. Эти пространства двигались поочередно друг за другом по лику Земли, образуя длинную вереницу. Все это вместе представляло собой непрерывно вращающееся колесо с множеством расположенных на нем дней и ночей.**

О двенадцати спицах - ведь оно не изнашивается! -  
Вращается колесо закона по небу.  
На нем, о Агни, парами сыновья  
Стоят, семь сотен и двадцать.

Косяков двенадцать, колесо одно,  
Три ступицы - кто же это постигнет?  
В нем укреплены вместе колышки,  
Словно триста шестьдесят подвижных и (одновременно)  
неподвижных (I. 164. 11, 48).

**В созданной арийскими мудрецами картине дня и ночи отразилась особенность восприятия человеком объекта и происходящих на нем процессов, обусловленная тем, что человек сам как наблюдатель находится в этой системе. Восприятие оказывается инверсным, то есть воспроизводящим явления противоположным действительности образом. Это объясняется тем, что двигаясь вместе с этой системой, человек воспринимает движущейся не эту систему и происходящие в ней явления, а внешний фактор, вызывающий данные явления. В рассматриваемом случае в качестве движущейся системы выступает Земля, а внешним фактором является солнечный свет, освещающий последовательно разные стороны вращающейся Земли. Человеческому интеллекту понадобилось длительное время, чтобы с помощью специальных методов наблюдения и размышления исправить ошибки инверсного восприятия. Инверсный образ дня и ночи тем не менее включал в себя важный объективный компонент. Им было понимание того, что процесс регулярной смены дня и ночи совершается под влиянием естественной закономерности, почему их движение и названо колесом закона. Особенно строго подчиняется закону такая яркая часть дня, как утренняя заря, олицетворяемая богиней Ушас.**

<...> Юная женщина не нарушает установления космического закона,  
Приходя день за днем на место свидания (I. 123. 9).

Большое внимание риши и жрецов к дням и ночам объясняется со всей очевидностью тем, что эти явления помогали им следить за ходом времени, приносить определенную регулярность в процесс исполнения своих ритуалов. А кроме того это дало им возможность увидеть строгую повторяемость в движении временного потока, которую вносили в него годовые циклы. Поэты отмечали и психологическую значимость для людей частей суток. Подчеркивалось значение ночи как времени душевного успокоения.

(Будь) нам сегодня (на благо), о ты,  
С чьим приходом мы успокоились.  
Как птицы – в гнезде на дереве!

Успокоились деревни,  
Успокоились, у кого есть ноги, успокоились, у кого есть крылья,  
Успокоились даже коршуны, преследующие цель.

Удержи волчицу, волка!  
Удержи вора, о Ночь!  
И будь легко проходящей для нас!

Ко мне подступил разукрашенный  
Мрак, черный, сверкающий (звездами).  
О Ушас, искупи (его), как (искупают) долги (X. 127. 4-7)!

Привлекала к себе внимание людей и красота звездной ночи.

Ночь, приближаясь, стала смотреть  
Во все стороны, богиня, множеством глаз.  
Она надела на себя все украшения.

Бессмертная богиня заполнила  
Широкое (пространство), низины (и) высоты.  
Светом она вытесняет мрак (X. 127. 1, 2).

Но особое внимание ариев вызывала к себе утренняя заря. Ее вид настолько восхищал и изумлял их, что она заняла главное место среди всех частей суток. Красота зари подсказала поэтам образ, который стал ее олицетворением. Это юная дева-красавица. Будучи идеализированной и наделенной сверхъестественными качествами, она стала богиней этого живописного явления. Поэты посвятили ей значительное количество гимнов РВ. Их насчитывается около 20. В этих гимнах мы особенно отчетливо видим один из основных способов мифотворчества – соединение природного, реального с социальным, антропным. При этом акцент делается на эстетических чертах зари. Составим более или менее цельную композицию из разрозненных стихов, чтобы можно было наглядно увидеть, как риши реализовали этот способ.

### **Ода утренней заре**

Показались алые кони, яркие,  
Везущие сверкающую Ушас.  
Едет прекрасная на разукрашенной колеснице,  
Она наделяет сокровищами почитающего (ее) человека (VII. 75.6).

Вот этот свет, лучший из многих, восстал  
На востоке из мрака, делая (все) различимым.

Пусть сейчас дочери неба, ярко сверкая,  
Создадут путь для людей!

Эта дочь неба показалась,  
Облекаясь в свет, (всегда) одинаковая, на востоке.  
Она правильно следует дорогой закона;  
Как знающая наперед, она не путает направлений.

Зажгись для нас, о дочь неба, как прежде,  
Для поклоняющегося (тебе) <...> (VI. 65. 6)

Ты (всегда) появляешься как несущая счастье. Далеко ты сверкаешь:  
Твое пламя (и) лучи взлетели к небу.  
Красуясь, ты обнажаешь грудь,  
О Ушас божественная, блистая во (всем) великолепии (VI. 64. 2).

Она засверкала, приближаясь, словно юная женщина,  
Побуждая двигаться все живое.  
Пора людям зажигать Агни.  
Она создала свет, прогоняя мрак (VII. 77.1).

Лежащего ничком щедрая (побуждает) к передвижениям,  
Другого – к поискам пищи, к богатству,  
Плохо видящих – к тому, чтоб видеть далеко.  
Ушас пробудила все существа.

Того – к власти, этого к славе, иного к поискам  
Величия, этого – заниматься своими делами.  
Чтобы видны были различные образы жизни,  
Ушас пробудила все существа.

Эта дочь неба явила себя,  
Ярко пылающая юная женщина в светлых одеждах,  
Повелевая надо всем земным добром,  
Зажгись здесь сегодня, о счастливая Ушас!

Она идет вслед за толпой минувших (зорь),  
Первая из грядущих непрерывной чередой <...> (I. 113. 5-8)

Та, что не нарушает божественных обетов,  
Но сокрушает людские поколения, -  
Ушас воссияла (как) последняя из прошедших, непрерывно  
сменяющихся,  
(Как) первая из приходящих (I. 124. 2).

Поднимайтесь! Живой жизненный дух нашел на нас.  
Прочь ушел мрак, приближается свет (I. 113. 16).

Арии видят в богине зари источник всего самого благоприятного и удачного. На нее смотрят как на доброжелательного вестника жизненных благ и счастья. С нею приходят бодрый дух, сила, радость. Она – активное и энергичное существо, способное пробудить такую же энергию в людях, побудить их к активной деятельности. Так с помощью ярко сияющего образа богини поэты смогли передать соплеменникам мощный заряд

психического и эстетического воздействия красочного природного явления на их душевное состояние и в трудные моменты нелегкой жизни укрепить в них чувства оптимизма и веры в успешный ход их дел. Жизнерадостный образ богини помогал поэтам и жрецам усилить эффект воздействия на людей явления природы, притом не только на их психику, но и на интеллект. Одновременно с воспеванием красоты природы поэты восторженно отображали женскую красоту, тем самым связывая, соединяя природное и человеческое, видя в них эстетическую общность, родство, взаимное отражение и любование. Природа и человек не чужды и не равнодушны друг к другу. В них дышат могучие потенции радости, блаженства, ликования. И благодаря этому они, как твердо верили поэты, влекутся друг к другу, взаимно облагораживаясь, чему помогают всемогущие и благожелательные боги.

**Грозное воинство.** То, насколько древние люди чувствовали свою зависимость от природы и насколько сильно обычные для нас явления воздействовали на их психику, видно из того, какое большое значение придавали арийские поэты и жрецы таким явлениям, как гроза, гром, молния, дождь, ветер. Им была приписана целая толпа богов – Марутов. Количество этих богов, согласно одному гимну, составляло «семью семь» (V.52.17), согласно другому «трижды шестьдесят» (VIII. 96. 8). Об особом почитании ариями этих богов говорит достаточно большое количество гимнов РВ, посвященных им. Оно равно 33, да еще 6 гимнов посвящены Марутам вместе с другими богами. Гимны отличаются чрезвычайно бодрым и восторженным тоном, в них много задора, восхищения, патетики. Маруты описываются как веселая, радостная, резвая толпа (I. 166. 2). В то же время они грозные, сильные, пышущие мощью (I. 166. 8). Их облик нарисован яркими цветами, блеском золота и огня, что характерно для грозы. Воспроизведем представление ариев о грозе, дожде и об олицетворяющих их богах с помощью подборки наиболее выразительных стихов.

### **Песнь о богах Марутах**

Почитаемые в начале обряда Маруты со сверкающими копьями,  
С золотыми пластинами на груди приобрели высокую жизненную силу.  
Они мчатся на легкоуправляемых быстрых конях.  
У выезжающих для блеска (Марутов) колесницы последовали (одна за другой).

Вам не препятствуют ни горы, ни реки.  
Куда вы решили, о Маруты, туда и едете.  
А еще вы ездите вокруг неба и земли.  
(V. 55. 1, 7).

Копья, о Маруты, у вас на плечах,  
Могущество, сила, крепость вложены в ваши руки,  
Мужество – в головы, оружие - в колесницы ваши.  
Вся краса запечатлена на ваших телах (V. 57. 6).

<... >Сверкающим огнем молнии (у вас) в руках,  
Позолоченные шлемы надеты на головы (V. 54. 11).

Вот они взмывают ввысь с шумом,  
Ввысь с колесницами, ввысь с ветрами,  
Ввысь с восхвалениями, (эти) сыновья Пришни (VII. 7. 17).

Пусть (устремятся) вперед, о Маруты, ваши отважные, доставляющие воду  
(колесницы),  
Увеличивающие силу, запряженные конями, движущиеся кругом!

Молнией они заряжают (лук)...  
Шумят воды, движущиеся кругом по руслу.

Мужи, могучие молнией, мечущие камни,  
Сильные ветром, Маруты, сотрясающие горы,  
Даже желая дать воду, в один миг покрывают (землю) градом,  
Ошарашивающие громом, неистовые, развивающие силу.

Сопровождаемые упряжками, подобные мужам, побеждающим войско,  
Словно Арьяман и другие (Адитьи), везущие бочку Маруты  
Делают набухшим источник, когда они, стремительные, зашумели.  
Они наводняют землю напитком меда.

С неба, чей блеск необъятен для чужого,  
Вы стряхиваете, о Маруты, светлую ягоду.

Гнутя изгороди, когда (Маруты) вошли в раж:  
(Эти) любители закона вызывают далеко отдающийся гул (V. 54. 2-3, 8,12).

(Те), что силой разрушают,  
Играючи, словно быки, непослушные у дышла...  
Даже звучную скалу, холм, гору  
Они сотрясают (своими) походами (V. 56.4).

Перед вашим выездом падает ниц  
Человек, перед (вашим) грозным гневом,  
Оседает скала (и) гора.

От чьих путей (и) выездов  
Дрожит от страха земля,  
Как старый вождь племени...

О Маруты, (та) сила, что у вас, -  
(Ею) вы поколебали людей,  
(Ею) вы поколебали горы (I. 37. 7-8, 12).

Блистательно ваше неистовство, яростны помыслы  
Дерзкой толпы, словно бушующий одержимый.

Маруты, которые прекрасны в движении, словно скакуны,  
(Эти) молодые люди украшают себя, как воплощенное чудо.  
Они привлекательны, как телята, живущие в загоне,  
(Эти Маруты,) играющие, словно молодые животные-сосунки.

Эти Маруты заставляют притихнуть (даже) могучего,  
Они сгибают силу сильного.  
Они защищают речь от завистника.  
Не дающего (ничего) они обрекают на (свою) тяжелую враждебность (VII.  
56. 8, 16,19).

Великие (своим) величием, могучие, могущественные,  
Видные издалека, словно небесные (пространства) – благодаря  
звездам,  
Радующие, сладкоязычные, звучащие устами,  
Маруты окружают Индру, восхваляя (его) отовсюду (I. 166.11).

(Та) бадья неба, которую очень щедрые мужи  
Подтянули для почитающего (их), -  
(Из нее) они изливают дождь на два мира.  
Струи дождя движутся по пустыне.

Пусть пройдем мы благополучно через насмешки,  
Оставив (позади) упреки (и) недоброжелательность!  
Когда прошел дождь, да будут воды на заре на счастье (и) благо, (да будут  
они) целебным средством!  
Да будем мы при этом, о Маруты (V. 53. 6, 14)!

(Те поддержки,) которыми вы помогаете Синдху, которыми спасаете,  
Которыми оказываете уважение Криви,  
Этими благими поддержками будьте нам радостью,  
О несущие радость, не подверженные ненависти! ( VIII. 20. 24)

<..>Дайте нам долю в желанном богатстве,  
Всё, что у вас есть прекрасного, о быки! (VII. 56. 21)

Мифические образы богов строятся ведийскими поэтами так, что в них всегда в тесном переплетении существуют и реалистические и вымышленные элементы. Благодаря этому, как правило, более или менее легко удастся определить реальные референты божеств. А кроме этого можно установить, как древние люди представляли себе соответствующие реальные явления, как объясняли их причины, способ существования и изменения. Имеются элементы реалистического содержания и в мифе о Марутах. Впечатляюще описываются черты бурной грозовой погоды с ее громовым грохотом, сверкающими молниями, с потоками дождевой воды и т. д. (I. 64, I. 166). От ударов грома сотрясается «спина неба». Каждое лесное дерево боится Марутов, растения кидаются прочь. Из мифа мы узнаем о том жутком страхе, который испытывали древние люди перед бушующей грозой. Он напоминает нам страх, который переживают современные маленькие дети во время сильной грозы. Это еще раз говорит нам о детском уровне психологии архаического человека. Гроза оставляет глубокий след в его сознании. Впечатляющая сила этого явления поражала его воображение, побуждала измышлять мощный источник его силы. Им в результате уподобления такому реальному объекту (отряду арийских воинов) становился неукротимый и могучий отряд хорошо вооруженных небесных воинов, вихрем несущихся на стремительных колесницах. Это один из приемов формирования данного мифического образа.

Реалистичным элементом этого образа было также понимание важности и значения проливаемого во время грозы дождя для пастбищ и полей. Маруты «орошают молоком многие пространства, эти благодатные боги», – удовлетворенно восклицает поэт (I.166.3). Благодатную силу воды из грозовой тучи риши ценили настолько высоко, что для ее олицетворения измыслили особую богиню – мать Марутов Пришни. Ей был придан облик щедро дающей, обильной молоком коровы. В этом случае Мифотворцы при создании данного образа также использовали метод уподобления.

У поэтов были попытки объяснить явление дождя. И некоторые из этих попыток в той или иной мере оказались правдоподобными. Так, например, происхождение дождя объясняется следующим образом: Маруты поднимают дождь из океана, а затем изливают его на землю (V. 55. 5). Здесь угадан один из возможных источников дождевой воды. Ведь действительно морская вода в результате испарения поднимается вверх, а после этого возвращается на землю в виде осадков. Этот же процесс имеется в виду и в утверждении другого риши: сок сомы после возлияния его в огонь жертвенного костра

возносится богом Агни на небо, а оттуда возвращается на землю в виде дождя. В этих представлениях ариев заключена идея круговорота воды в природе.

Но в основном в мифическом образе грозы преобладает вымысел. Он создается с помощью некоторых, часто используемых мудрецами методов. Это прежде всего метод субъективизации природных явлений. В данном случае с помощью активно и сознательно действующих богов Марутов явление грозы наделяется субъектностью, способностью действовать по своему намерению, желанию, воле. Помимо этого оно антропоморфизируется: ему приписываются черты людей. Здесь мы имеем дело с применением антропной парадигмы для объяснения ряда характеристик грозы. Используется и более частная парадигма, а именно фамильная, отображающая родственные отношения между людьми. Маруты, оказывается, имеют родителей. Их отцом является грозное антропоморфное существо Рудра, что означает «ревун», «крикун». Он сравнивается то с бурым быком (II. 33), то с ярким солнцем, с золотом (I. 43.5). Его называют «самым исцеляющим из целителей», поскольку у него самые целебные лекарства (II. 33. 2,4), «самым блистательным, самым сильным из сильных» (II. 33. 3,11)<sup>5</sup>. Мать Марутов – пестрая корова Пришни, символизирующая грозовую тучу.

(Те,) что сыновья щедрого Рудры  
И кого способная удержать для вынашивания (зачала)...  
Ведь (их) мать знала о великом (событии), она, великая.  
Это она, Пришни, вложила зародыш ради могучего (Рудры) (VI. 66. 3).

Помимо того, что Маруты выполняют роль активного начала в явлении грозы, им приписывается и определенная социально-психологическая функция. Представляя собой идеализированный образ боевого отряда арийских воинов, они служат для последних образцом мужества, доблести, несокрушимой энергии. Этими качествами должны, по мнению поэтов и жрецов, обладать и арийские воины, ведущие сражения с автохтонными племенами. Решительные Маруты своим обликом укрепляли воинственный дух ариев.

Бодрых, очищающих, победоносных, очень подвижных  
Сыновей Рудры мы воспеваем, призывая.  
За пересекающею пространство толпой Марутов,  
Пьющей (сому,) из выжимок, следуйте для блеска!

Наделите, о Маруты (наших) щедрых (покровителей) достойной воспевания  
Отвагой, неодолимой в сражениях, сверкающей,  
Захватывающей богатство, достойной прославления, всем известной!  
Да будем мы процветать сто зим в наших детях и потомках!

Наделите же нас, о Маруты, прочным  
Богатством, состоящим из героев, выдерживающим натиск,  
Тысячным, сотенным, сильно набухшим! (I. 64. 12, 14,15)!

Итак, мы воссоздали полную мифическую картину грозы и грозовой тучи, которая была создана ведийскими мудрецами и в которой отразилось их представление об этих явлениях. Теперь мы воспроизведем современное научное представление о данных явлениях<sup>6</sup>. Такое сопоставление позволит нам получить ответы на целый комплекс вопросов, имеющих отношение к методологии процесса формирования мифических образов.

В науке под грозой понимается атмосферное явление, связанное с мощными кучево-дождевыми облаками, между которыми, а также между ними и землей возникают сильные

<sup>5</sup> О признаках Рудры см. также: Топоров В. Н. Рудра // Мифы народов мира . Т. 2. С. 388.

<sup>6</sup> См., например, об этом: Шметер С. М. Термодинамика и физика конвективных облаков. Л., 1987; Березин В. М. Гроза. // Большая Российская энциклопедия. Т.8. М., 2007. С. 31

электрические разряды (молнии), сопровождающиеся громом. Вместе с этим на землю обрушивается ливень, порой с градом, бушует сильный, шквалистый ветер. Облака представляют собою скопления в атмосфере продуктов конденсации водяного пара в виде мельчайших капелек воды и кристалликов льда. Благодаря процессу испарения воды, вертикальным током воздуха и выпадению осадков на землю осуществляется непрерывный влагооборот. Над сушей грозы возникают в результате прогревания воздуха от земной поверхности. Теплые потоки воздуха поднимаются вверх и образуют кучево-дождевые облака. Над морем грозы возникают вследствие появления конвекции в холодных воздушных массах, которые движутся в низкие широты над теплой водной поверхностью. Грозы также могут возникать на атмосферных фронтах – на границах между теплым и холодным воздухом. В грозовых облаках с большой скоростью движутся сильные восходящие и нисходящие потоки. В облаках формируются электрические заряды, которые порождают молнии. Облако пронизано мощным электрическим полем. Его потенциальная энергия равна энергии термоядерной мегатонной бомбы. В грозовом облаке взаимодействуют две группы противоположных процессов, создающих электрические характеристики грозы. Одни из них способствуют накоплению электрических зарядов, другие препятствуют этому. Громадны размеры кучево-дождевых облаков. Их толщина достигает 5-12 км, а горизонтальная протяженность – 5-50 км.

Приведенное описание грозы может показаться неуместным. Но как раз оно представляет нам те явления, которые выступают в качестве референтов анализируемого мифического образа и которые существовали в таком виде и во времена ведийских мудрецов, не подозревавших о том, какие сложные явления стоят за образами Марутов, Рудры, Пришни. Но для нас сопоставление мифического и научного представлений о данных явлениях оказывается очень продуктивным. С его помощью мы можем многое понять в способе репрезентации мифотворцами реальных явлений.

Прежде всего мы видим, насколько бедными были знания древних людей о грозовых тучах и грозе. Они ограничивались самыми внешними и поверхностными признаками этих явлений. На основе таких представлений нельзя было сформировать хоть какое-нибудь более глубокое знание о них. К тому же тогдашние люди еще не выработали методы мышления, помогающие перейти от внешних характеристик явлений к внутренним, сущностным, реконструировать вторые по первым. Именно крайняя ограниченность знаний и является одной из главных предпосылок буйной мифотворческой фантазии. В такой ситуации действует принцип: «чем меньше знаний, тем больше вымысла».

При формировании знаний о каком-либо явлении основываются не только на данных, полученных путем изучения самого этого явления, но и привлекают знания из соответствующих релевантных областей. Так, мы видим, что в случае грозовых облаков метеорология опирается на термодинамику и теорию электричества. Архаические мыслители также привлекали представления их других областей, но у них эти представления были, во-первых, скудными и неглубокими, а, во-вторых, сами области были качественно иного рода, неадекватными области грозовых явлений. Среди этих областей были частично биологические явления, частично антропные, частично социальные. Из биологической области использовались такие понятия, как жизненная сила, рождение, тела, кони, быки и т. п. Большой круг понятий был заимствован из антропной области: мужи, герои, молодые люди, сыновья, толпа. Отсюда же были взяты понятия психологического характера: веселые, радостные, резвые, грозные, неистовые, гневные, буйного нрава, мужественные. Использовался набор понятий, позволяющих характеризовать Марутов как субъектов, способных к сознательным действиям, обладающих волей, собственными желаниями и т. д. Это такие понятия, как помогающие людям и поддерживающие их, способные к созиданию, почитающие закон, приходящие к истине, сладкоязычные. Для характеристики Марутов применены и слова из военной лексики: отряд всадников, копьа, стрелы, топоры, шлемы, колесницы, мощный натиск.

Использование подобного словаря говорит о том, что арии не видели различия между физическими, биологическими и социальными явлениями. Они неоправданно экстраполировали представления об одном классе явлений на явления совершенно иного класса. Это приводило к тому, что формировавшийся образ грозы и туч приобретал фантастический характер, оказывался нереалистичным. Здесь мы видим, как мифологическое мышление иным образом, чем наука, решало проблему активного начала в природе. Если наука ищет его в самих природных явлениях и сводит к физическим процессам и факторам, то мифотворцы приносили это начало из неадекватной этим явлениям области – социальной, используя для этого понятия и представления об определенном роде людях ( воинах). Они были фактором, определяющим причины и динамику явлений грозы.

Арийские мудрецы пошли при решении вопросов, связанных с грозowymi явлениями, экстенсивным путем. Они искали ответы в иных и притом неадекватных областях. Наука же выбрала другой путь – путь интенсивного изучения соответствующих явлений, позволивший проникать в их глубину и сущность. Это давало такие знания, которые исключали произвольный подбор каких-либо нерелевантных парадигм. Чем больше сущностных знаний об изучаемом явлении, тем сильнее они ограничивают произвол при формировании образа этого явления, в том числе и при выборе адекватных парадигм. Интенсивное изучение явлений предполагает более тщательное и более разностороннее их наблюдение, проведение экспериментов, использование приборов. Все это было для архаичных людей делом далекого будущего. Вместо интенсивного исследования они прибегали к интенсивному измышлению искомым образом и представлений. При этом в отличие от последующей науки древние люди не ставили вопрос о достоверности этих мысленных конструкторов, удовлетворяясь безапелляционной верой в их истинность.

Все вышеописанные особенности архаического мышления являются показателями степени развития и этого мышления, и эмпирического опыта, и социальной практики. Именно они и обусловили появление мифологического способа отображения действительности. В духовной истории человечества это одна из наиболее значительных и длительных стадий на пути развития познавательной деятельности и интеллекта. Ее можно определить как стадию феноменологического, частично адекватного мышления.

Недостаточная адекватность этого мышления касается главным образом гносеологического аспекта отношения человека к действительности. Но если иметь в виду эстетический и морально-психологический аспекты этого отношения, то адекватность была достаточно высокой. Древние мудрецы глубоко поняли значение эстетического в духовной жизни людей и поэтому широко использовали красоту природы как источник высокохудожественных поэтических образов и картин, помогающих развивать и укреплять психический потенциал соплеменников. Но мудрецы поняли также и то, что природа может быть средством совершенствования и нравственных сил человека, и поэтому интенсивно использовали и эти ее потенции. Так что если мифологическое мышление было недостаточно адекватным с гносеологической точки зрения, то зато оно было высокоэффективным с эстетической, психологической и этической точек зрения. Мифотворцы ставили природу на службу человеку, истолковывая ее качества и свойства прагматически, то есть как способные помогать, защищать, исцелять, вдохновлять людей. Для того чтобы укрепить их дух, риши, во-первых, создавали жизнерадостную, оптимистическую картину земной природы, во-вторых, они населяли эту природу благосклонно расположенными к людям богами. С другой стороны, поэты наделяли окружающие предметы положительными человеческими качествами, способностью делать добро, приносить удачу, творить благо. Предметы, таким образом,

антропоморфизировались, к ним арии обращались как к людям со словами «ты», «вы» и с различными просьбами, считая, что они, как и люди, слышат, видят и понимают последних. «Примите эту мою хвалу, о Ганга, Ямуна, Сарасвати, Шутудри, Парушни! О Марудвриджа с Асикни, с Витастой, О Арджикья с Сушомой, слушай(те) (X. 75. 5)!» – так обращался жрец к рекам Пенджаба. Вся земная природа не только антропоморфизирована, но и социализирована ведийскими поэтами и представлена как партнер, союзник, друг людей. Такое восприятие природы снимает то психическое напряжение, которое возникало у людей под влиянием всевозможных природных катаклизмов. Человек, наполненный чувством нравственного единства с природой, со своей стороны желает ей блага.

Небу благо!  
Земле благо!  
Воздуху благо!  
Воздуху благо!  
Небу благо!  
Земле благо!

Солнце – мой глаз, ветер – дыхание, воздух – душа, земля – тело. «Несокрушимый» по имени я здесь. Таким вручаю себя Небу-и-Земле на защиту (AB<sup>7</sup>. V. 9. 1-7).

**Характер хтонического<sup>8</sup> мышления мифотворцев.** Хтоническое мышление – это мышление, которое решает мировоззренческие и познавательные **проблемы**, касающиеся земной природы. Оно во многом обусловлено тем отношением, которое сложилось у архаических людей к земле. Это отношение было многоаспектным. Во-первых, они испытывали пиетет к земле. Она была для них божеством, исполненным множества явных и скрытых сил, способности совершать для людей благие деяния. Они воспевали ее за это, поклонялись ей так же, как другим особенно почитаемым богам, ставя ее имя рядом с ними:

Пусть нам щедро <...> даруют Митра, Варуна,  
Адити, Синдху, Земля и Небо (I. 101.11)!

Референтами перечисленных богов были космические объекты, а, следовательно, таким же объектом была для ариев и Земля. В этом отразился космологический взгляд ведийских мудрецов на Землю. Она рассматривалась как неотъемлемая часть вселенной, находящаяся в неразрывном единстве с ней. Земля была в представлении ариев равновеликой всему остальному Космосу, составляла его половину. Процессы, происходившие в Космосе и на Земле, считались процессами единого мира, однотипными, связанными между собой, одинаково влияющими на судьбы людей. Единство и близость Земли и Неба обеспечивались богами, для которых эти сферы были единым пространством, единым местом, в котором они существовали, действовали, перемещались. При всем этом риши уделяли больше внимания земле и событиям, происходившим на ней, поскольку последние оказывали большее влияние на судьбу людей. Вследствие этого Земля была для древних людей более значимой, чем Небо. И именно на Земле риши помещали главное место всей вселенной, в том числе и Земли – их пуп. И этот пуп определялся не его реальным местоположением и природной значимостью, а значимостью, вытекавшей из сакральной и культовой роли, которую играл выбранный на эту роль феномен в религиозном мировоззрении ариев.

Я спрашиваю тебя о крайней границе земли.  
Я спрашиваю, где пуп мироздания.

<sup>7</sup> Атхарваведа. Т. 2. Пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 2007.

<sup>8</sup> Хтоническое – от древнегреч. Chthon – земля.

Я спрашиваю тебя о семени племенного жеребца.  
Я спрашиваю о высшем небе речи.

Этот алтарь - крайняя граница земли.  
Это жертвоприношение - пуп мироздания.  
Этот сома - семя племенного жеребца.  
Брахман этот - высшее небо речи (I. 164. 34-35).

Ведь ветви твои, о Агни, другие огни.  
В тебе радуются все бессмертные.  
О Вайшванара, ты пуп (человеческих) поселений.  
Ты (всегда) держал людей как опорный столб (I. 59. 1).

Сравнивая Землю с Космосом, арии пришли к выводу, что последний неизменен, постоянен, вечен, тогда как на Земле непрерывно происходят всевозможные изменения, совершаются различные события. Их внимание особенно занимали стихийные бедствия. В катастрофичности земной природы они видели одну из ее главных черт. Под влиянием этой особенности Земли у древних людей сформировалась идея изменения существующего, смены событий и процессов, циклического времени, временности и конечности отдельных явлений. Последняя касалась и человеческой жизни. А поскольку перед их глазами был образец вечности – Космос, то он, скорее всего, подсказал им идею желаемого бессмертия и необходимости ухода после смерти с изменчивой Земли на спокойное и вечное Небо.

Под влиянием непростых условий существования на Земле у людей возникла идея их зависимости от природы. Постепенно у них выработалось чувство подчиненности природе, а это, в свою очередь, породило просительное отношение к ней и к персонифицирующим земные явления богам. Мышление воплотило это отношение в форму страстного, экспрессивного обращения к ним – в молитву.

Близость поэтов к земной природе, непосредственное общение с нею, позволило им наполнить мифические образы и картины, относящиеся к ней, богатым конкретным содержанием, яркими красками, сильными эмоциями. Здесь мифология перерастает в талантливую поэзию, мифические образы дополняются поэтическими. Картина природы выступает в виде мифопоэтического творения, мифопоэтической модели.<sup>9</sup>

В этой модели поэтами фиксируется такое отличие Земли от Неба, как ее противоречивость: в ней имеются как позитивные для человека феномены, так и негативные. Одни вызывают в нем чувство восторга, восхищения, другие – чувство зависимости, подчиненности стихиям. Этими контрастами обусловлено и во многом определено хтоническое мышление древнего человека. Это мышление неоднородное в психологическом плане существа, а поэтому оно также противоречиво, наполнено полярными чертами. Это выражается, в частности, в таких продуктах мыслительной деятельности, как с одной стороны, оды и дифирамбы природным явлениям и их богам, а с другой – жалобы, заклинания, молитвы. Тем самым мышление архаического человека является в одном отношении мышлением удовлетворенного, часто экзальтированного человека, а в другом – мышлением зависимого, уязвимого, робющего человека с угнетенной психикой. Такая двойственная психика породила одновременно восторженного поэта и смиренного просителя. Он – и бог-творец, и подопечный богов.

С эпистемологической точки зрения картина земной природы крайне сужена, ограничена непосредственно воспринимаемым, а потому феноменологична. Иной и не могла быть картина, опирающаяся на возможности чувственного созерцания. Если брать реалистическое содержание мифов, то оно сводится к предметам, к их созерцанию. Но в

<sup>9</sup> О мифопоэтической модели мира см.: Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т.2. М., 1982. С. 161-164.

этих мифах отсутствуют реалистическое объяснение и истолкование предметов. Они заменяются вымыслом. Познание продвигается вширь, а не вглубь реальности. Таковы возможности мифологического мышления. Созданные им объяснительные концептуальные структуры детерминированы не реальными сущностными характеристиками явлений, а прагматическими установками пользы, выгоды, практического успеха и т. п. Эти установки, примененные к гносеологическому процессу, стимулируют фантазирующее мышление. Его продукты (мифические образы) соединяют в себе описательный (реалистический) компонент и объяснительный (фиктивный). Таким образом, основные компоненты мифологических концептуальных структур – описание и объяснение – оказываются разнотипными, разнокачественными, с эпистемологической точки зрения противоречащими друг другу. Их можно охарактеризовать как реалистическо-фиктивные, т. е. отчасти реалистические, отчасти фиктивные. С другой стороны, их можно определить и как объектно-субъектные комплексы: первый компонент репрезентирует какое-либо явление действительности, второй представляет собой вымышленного сверхсубъекта (бога), активизирующего первый, управляющего им и т. д. Это своеобразие мифологических конструкторов говорит о том, что архаический человек одновременно и реалист, и фантазер, но при этом несознающий своей фантазирующей ипостаси. А созданные им конструкторы, с одной стороны, описательно-реалистические, а с другой – объяснительно-фантастические. Хтоническое мышление не нашло критериев для объективной оценки достоверности своих построений, да оно еще и не ставило перед собой такую задачу.